

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА “ТЕОРИЯ МОДЫ”

БЕЛЫЙ

ИСТОРИЯ
ЦВЕТА

МИШЕЛЬ ПАСТУРО

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Библиотека журнала «Теория моды»

Мишель Пастуро

Белый. История цвета

«НЛО»

2022

Пастуро М.

Белый. История цвета / М. Пастуро — «НЛО»,
2022 — (Библиотека журнала «Теория моды»)

ISBN 978-5-44-482336-0

«Белый» – очередной том М. Пастуро, дополняющий его предыдущие исследования об истории цвета в Западной Европе на протяжении веков. Отдавая должное дебатам о том, является ли белый – цветом, автор предлагает нам при проведении исторического анализа учитывать его полноценный хроматический статус. На этот раз французский медиевист задается вопросом, как в разное время воспринимался белый: был ли он синонимом бесцветности? Обладали ли однозначно положительной коннотацией? В книге рассматриваются разные грани белого, его эволюция от цвета религиозного культа (аналога сакрального) и монархии до активного внедрения белого в спортивную и медицинскую сферы в новейшей истории, а также в представления о гигиене на сегодняшний день. Пастуро уделяет особое внимание дуализму и связке белый-черный и белый-красный, где эти цвета становятся антиподами друг друга. Данное исследование проливает свет на подвижную символику белого и на его роль в разных исторических контекстах от древних времен до наших дней. Мишель Пастуро – историк-медиевист, профессор Практической школы высших исследований в Париже, автор книг «Черный», «Синий», «Зеленый», «Красный», «Желтый» и «Дьявольская материя. История полосок и полосатых тканей», вышедших в издательстве «НЛО».

ISBN 978-5-44-482336-0

© Пастуро М., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ГЛАВА 1	12
От природы к культуре	14
Луна и религиозные культы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мишель Пастуро

Белый. История цвета

УДК 7.03(4).017.4ББК 85.103(4)-57

ББК 85.103(4)-57

П19

Составитель серии О. Вайнштейн

Редактор серии Л. Алябьева

Перевод с французского Н. Кулиш

Мишель Пастуро

Белый. История цвета / Мишель Пастуро. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – (Серия «Библиотека журнала „Теория моды“»).

«Белый» – очередной том М. Пастуро, дополняющий его предыдущие исследования об истории цвета в Западной Европе на протяжении веков. Отдавая должное дебатам о том, является ли белый – цветом, автор предлагает нам при проведении исторического анализа учитывать его полноценный хроматический статус. На этот раз французский медиевист задается вопросом, как в разное время воспринимался белый: был ли он синонимом бесцветности? Обладал ли однозначно положительной коннотацией? В книге рассматриваются разные грани белого, его эволюция от цвета религиозного культа (аналога сакрального) и монархии до активного внедрения белого в спортивную и медицинскую сферы в новейшей истории, а также в представления о гигиене на сегодняшний день. Пастуро уделяет особое внимание дуализму и связке белый-черный и белый-красный, где эти цвета становятся антиподами друг друга. Данное исследование проливает свет на подвижную символику белого и на его роль в разных исторических контекстах от древних времен до наших дней. Мишель Пастуро – историк-медиевист, профессор Практической школы высших исследований в Париже, автор книг «Черный», «Синий», «Зеленый», «Красный», «Желтый» и «Дьявольская материя. История полосок и полосатых тканей», вышедших в издательстве «НЛО».

В оформлении обложки использован фрагмент автопортрета Шарля Луи Салиго, 1824–1826. Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam

ISBN 978-5-4448-2336-0

© Éditions du Seuil, 2022

© Н. Кулиш, пер. с фр., 2023

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Белый цвет – первый из цветов <...>

С него начинаются наше удовольствие от созерцания цветов и наша наука их описания <...>

Он похож на луну, звезды, снег и другие явления природы <...>

Как цвет одежды он подобает людям доброго нрава, то есть жизнерадостным и решительным <...>

В эмблемах же в сочетании с синим он означает учтивость и мудрость, в сочетании с желтым – наслаждение любви, с красным – отвагу в благородных делах; в сочетании с зеленым – прекрасную и добродетельную юность.

«Книга о гербах, цветах, эмблемах и девизах» (Неизвестный автор, около 1480–1485)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Белый – это цвет

Несколько десятилетий назад, в начале XX столетия или еще в 1950-х годах, название этой книги могло удивить некоторых читателей, не привыкших считать белый цветом. Сегодня, по-видимому, дело обстоит иначе, пусть даже и найдется горстка людей, не желающих признавать, что белый – это цвет. Вне всякого сомнения, белый вернул себе статус, которым обладал в течение веков или даже тысячелетий, – статус цвета в полном смысле этого слова и даже полюса силы в большинстве цветовых систем. Как и его собрат, черный, белый постепенно утрачивал цветовой статус в период от заката Средневековья до XVII века: с появлением печатной книги и гравюры (текста и изображения, нанесенных черной краской) эти два цвета заняли особое положение; последовавшая Реформация, а затем научный прогресс вывели их за рамки цветового мира. Наконец, когда в 1665–1666 годах Исаак Ньютон открыл цветовой спектр, тем самым он создал новый цветовой порядок, где больше не было места ни для белого, ни для черного. Это стало настоящей революцией, которая не ограничилась только наукой, но постепенно охватила и другие области знания, а также материальную культуру.

В течение почти трех веков белый и черный в теории и на практике не считались цветами, и мало-помалу из них сложился особый черно-белый мир. Эта концепция была привычной для десяти поколений европейцев, и, хотя время ее господства позади, она не шокирует нас еще и сегодня: с одной стороны, существует черно-белое, с другой – цветное.

И все же наше восприятие в этом отношении изменилось. Впервые эта тенденция проявилась на заре XX столетия, у художников, которые постепенно стали возвращать белому и черному полноценный хроматический статус, утраченный перед закатом Средневековья. За художниками последовали ученые, хотя некоторые физики долго не решались признать белый цветом в полном смысле слова. За учеными в конечном счете последовала и широкая публика, и сегодня, как в повседневной жизни, так и в мечтах и воображении у нас уже почти нет ситуаций, в которых мир цвета может быть противопоставлен черно-белому миру. Лишь в нескольких областях (фотография, кино, пресса, издательское дело) еще сохраняются следы бывшего разграничения. Но надолго ли это?

Таким образом, название нашей книги не ошибка и не сознательная провокация. Белый – действительно цвет, притом один из основных цветов, такой же, как красный, синий, черный, зеленый и желтый, в то время как фиолетовый, оранжевый, розовый, серый, коричневый принадлежат к группе второстепенных, у которых история короче, а символика беднее.

* * *

Перед тем как попытаться изложить долгую историю белого цвета в европейских социумах, я должен сделать несколько важных замечаний, которые будут развернуты в последующих главах и при рассмотрении изучаемых периодов.

Первое из них продолжает то, что уже было сказано здесь о белом как о цвете с полноценным хроматическим статусом. В течение столетий в Европе ни в одном из языков не существовало синонимии между понятиями «белое» и «бесцветное». И в древнегреческом, и в латинском языках, как и в местных наречиях, прилагательное «белый» имело множество образных значений (незапятнанный, чистый, девственный, невинный, незаполненный, нетронутый, светлый, сияющий, благоприятный и так далее), но никогда не означало «лишенный цвета». Это значение появилось у него только в современную эпоху. Ранее понятие бесцветности, которое во многих отношениях трудно постичь, определить и представить себе, связыва-

лось с веществом либо со светом, но не с окраской. Для авторов, считавших цвет веществом, то есть некоей пленкой, облекающей предметы, бесцветность – это отсутствие или очень малое количество красящего вещества. Вот почему синонимы слова «бесцветный» следует искать среди таких слов, как «ненасыщенный», «вылинявший», «просвечивающий», «прозрачный». Напротив, у авторов, для которых, как для Аристотеля, цвет – это результат ослабления света при контакте с предметами, для бесцветного логической привязкой и источником возможной синонимии является черное. Но и в первом, и во втором случаях о белом речь не идет.

Восприятие бесцветного как эквивалента белого появится только в позднее Средневековье и в раннее Новое время. И, судя по всему, решающую роль в этом сыграет бумага. Носитель печатного текста и гравированного изображения, бумага, более белая, чем пергамент, в итоге превратится в своего рода «нулевую степень цвета»¹. В самом деле, ведь во всяком изображении цвет определяется по его соотношению с фоном, и этот фон – или носитель, каким бы он ни был, – представляет собой «не цвет»: для иллюминированной рукописи это пергамент, для настенной росписи – стена; для станковой живописи – дерево или холст; для гравюры или печатного текста – бумага. В XV–XVI веках массовое распространение бумажных носителей, как для изображений, так и для текстов, способствовало тому, что между цветом бумаги – белым – и бесцветностью возникло нечто вроде синонимии.

Мое второе замечание касается восприимчивости к различным оттенкам белого – с течением времени, по крайней мере в Западной Европе, эта восприимчивость притупилась. В самом деле, есть основания считать, что по сравнению с нашими предками глаз современного европейца гораздо менее чувствителен к многочисленным вариантам белого, и не только к тем, которые встречаются в природе, но и к тем, которые создаем мы сами, как в красильном деле, так и в живописи. В этом смысле наше зрение уступает и зрению обитателей других географических регионов: так, жители Крайнего Севера умеют различать в снежной и ледяной белизне целую гамму тончайших нюансов, часто остающихся невидимыми (и безымянными) для приезжего. Это обеднение отражено и в европейских языках. Сегодня у них в обиходе осталось только одно слово для обозначения белого цвета, а когда-то было несколько, зачастую два, а порой даже больше.

Третье замечание связано с предыдущим: сегодня нам трудно избежать противопоставления белого и черного. Эти два цвета составили почти неразлучную пару, более устойчивую, чем могли бы образовать какие-нибудь другие два цвета, в том числе синий и красный. Но так было не всегда. В средневековых текстах противопоставление белого и черного встречается нечасто; если же обратиться к изображениям и предметам того времени, то здесь сочетание этих двух цветов, несущее в себе определенную символику, встречается еще реже. Только на изображениях животных (собаки, коровы) и птиц (сороки) можно увидеть черно-белые шерсть и оперение – как их можно увидеть и в природе. В самом деле, до появления гравюры и книгопечатания – поворотного момента в истории цвета – антагонистом белого чаще выступает не черный, а красный. Многочисленные примеры этого мы находим в мире символов, в эмблематике, в моде, а позднее в спортивных состязаниях и настольных играх, где форма команд, их лагеря или хотя бы фигуры, которыми они играют, должны быть двух разных цветов: долгое время здесь соперничают не белое и черное, а белое и красное.

Мое последнее замечание касается символики цветов. Эта символика всегда двойственна, у каждого цвета есть и позитивные, и негативные аспекты. Бывает хороший красный (энергия, радость, праздник, любовь, красота, справедливость), а бывает плохой (гнев, буйство, опасность, вина, наказание). Бывает хороший черный (умеренность, благородство, власть, роскошь), а бывает плохой (горе, траур, смерть, преисподняя, колдовство). Но белый – особый случай: здесь амбивалентность символики не так выражена: большинство представлений, свя-

¹ Отсылка к книге Ролана Барта «Нулевая степень письма» (фр. *Le degré zéro de l'écriture*). – *Прим. науч. ред.*

занных с этим цветом, – добродетели или достоинства: чистота, девственность, невинность, мудрость, покой, доброта, опрятность. К этому можно было бы еще добавить могущество и изысканность в обществе: в течение столетий в Европе белый был цветом монархии и аристократии, особенно в парадном убранстве и в одежде. Наши белые воротнички, белые рубашки и платья в какой-то мере являются продолжением этой традиции. Долгое время белый был также цветом гигиены: все ткани, прикасавшиеся к телу (нижнее белье, постельное белье, полотенца и так далее), должны были быть белыми, как по гигиеническим, так и по моральным соображениям. Сегодня все иначе: мы спим на белье ярких расцветок и носим нижнее белье любых цветов. Но белый до сих пор остается цветом опрятности и гигиены, по ассоциации с ванными, больничными палатами и холодильниками. Белый – опрятный, чистый, холодный и молчаливый.

И наконец, белый долгое время был цветом религиозного культа и сопровождающих его обрядов. Так, в кодексе богослужбных цветов средневекового христианства и современного католицизма белый полагался для праздников в честь Богородицы и Христа, то есть главных церковных праздников. Связь белого со священными обрядами прослеживается во множестве религий, причем иногда с глубокой древности. Во многих древних культах богам посвящали животных с белой шерстью и птиц с белым оперением, а жрецы и весталки носили белые одежды.

И тем не менее белый не всегда имеет позитивный смысл. Для значительной части Азии и Африки белый – цвет смерти, понимаемой не как противоположность жизни, а как противоположность рождения. Смерть – это новое рождение, вот почему белый цвет является эмблемой и того и другого. В Западной Европе белый иногда ассоциируется с трауром, с усопшими, с привидениями, а порой даже с феями и другими странными созданиями, явившимися из потустороннего мира. Еще чаще белый символизирует пустоту, холод, страх и тоску. Однотонная белая окраска кажется таинственной и пугающей еще и потому, что за долгие века ни живописцы, ни красильщики так и не сумели добиться того, чтобы созданный ими белый цвет сиял идеальной белизной, подобно лилии, молоку или свежеснеговому снегу: по меньшей мере до XVIII века все оттенки, которые у них получались, были лишь почти белыми: то есть тусклыми, оттенка некрашеной шерсти, сероватыми, с грязнотой, с желтизной. Сегодня эти технические трудности преодолены, однако в белом все же остается что-то загадочное и недоступное, притягательное и в то же время вызывающее безотчетный страх, завораживающее и в то же время парализующее, словно этот цвет, в противоположность всем остальным, все еще не полностью освободился от своих сверхъестественных параметров. Надо ли радоваться этому или ужасаться?

* * *

Настоящая книга – шестая и последняя в серии, которая была начата более двадцати лет назад. Ей предшествовали пять других: «Синий. История цвета» (2000); «Черный. История цвета» (2008); «Зеленый. История цвета» (2013); «Красный. История цвета» (2016); «Желтый. История цвета» (2019). Все они опубликованы в издательстве Seuil. Как и остальные, книга построена по хронологическому принципу: это именно история белого, а не энциклопедия, и тем более не исследование роли этого цвета в одном только современном обществе. Я попытался исследовать этот цвет в течение долгого периода времени и во всех аспектах, от лексики до символики, включая повседневную жизнь, социальные практики, научное знание, техническое применение, религиозные моральные предписания, художественное творчество, мир эмблем и представлений. Слишком часто исследования, претендующие на то, чтобы отобразить историю цвета, ограничиваются только самыми близкими к нам периодами, а порой еще и сосредотачиваются только на роли того или иного цвета в искусстве, что существенно обедняет

тему. История цвета не дублирует историю живописи, это нечто другое, нечто гораздо более масштабное, и нет никаких оснований ограничивать ее современной эпохой.

Тем не менее эта книга, как и пять предыдущих, только на первый взгляд является монографией. Цвет не существует сам по себе. Он обретает смысл, он «работает» в полную силу в социальном, лексическом, художественном или символическом аспектах лишь в ассоциации либо в противопоставлении с одним или несколькими другими цветами. По этой же причине его нельзя рассматривать обособленно. Говорить о белом значит – неизбежно – говорить о черном, красном, синем и даже зеленом и желтом.

Эти шесть книг – здание, над строительством которого я работаю более полувека: история цвета в западноевропейских социумах, от Древнего Рима до XVIII столетия. Даже если, как мы увидим на последующих страницах (и как можно узнать из других моих трудов), я часто буду заглядывать в более далекие и более близкие к нам эпохи, мое исследование будет разворачиваться главным образом в этих (уже достаточно широких) хронологических рамках. Оно также будет ограничиваться обществами стран Западной Европы, поскольку, на мой взгляд, проблемы цвета – это прежде всего проблемы общества. А я как историк не обладаю достаточной эрудицией для того, чтобы рассуждать о всей планете, и не имею желания переписывать или пересказывать с чьих-то слов работы ученых, занимающихся неевропейскими культурами. Чтобы не городить чушь, чтобы не красть у коллег и не превращать книгу в набор цитат и ссылок, я ограничиваюсь тем материалом, который мне знаком и который начиная с 1983 года в течение четырех десятилетий был темой моих семинарских курсов в Практической школе высших исследований и в Высшей школе социальных наук. Выражаю глубокую признательность всем моим студентам, аспирантам, участникам и слушателям этих занятий за плодотворный обмен мнениями, который у нас имел место и, надеюсь, будет продолжаться в будущем. Цвет – нечто такое, что касается всех и связано со всеми проблемами жизни в обществе.

ГЛАВА 1

Цвет богов

(от начала начал до зарождения христианства)

Дать определение понятию «цвет» – дело непростое. И не только потому, что за долгие века определения существенно изменились: даже если ограничиться современной эпохой, на пяти континентах цвет воспринимается по-разному. У каждой культуры представление о цвете складывается под влиянием окружающей среды и климата, особенностей ее истории и традиций. И знания жителей Западной Европы тут ни в коей мере не являются критериями, и уж тем более истинами, а всего лишь знаниями среди других знаний. К тому же носители этих знаний еще и не всегда придерживаются единого мнения. Мне регулярно доводится участвовать в симпозиумах, посвященных цвету, где собираются представители разных областей науки – социологи, физики, лингвисты, этнологи, художники, химики, историки, антропологи, музыковеды. Все мы счастливы встретиться друг с другом и обсудить важную для нас тему, но через несколько минут нам становится понятно, что мы говорим не об одном и том же. Когда речь заходит о цвете, оказывается, что у каждого специалиста свой набор дефиниций, своя система классификаций, свои постулаты, свои особенности восприятия. Эта разноголосица и эта неспособность выработать единое определение обнаруживается в большинстве толковых словарей: их авторы не могут предложить ясное, убедительное и внятное определение цвета, которое бы укладывалось в приемлемое количество строк. Часто определение претендует быть исчерпывающим, а получается затянутым и переусложненным: вдобавок оно снова и снова оказывается неполным. Иногда оно бывает неверным или непонятным широкому читателю, как на французском языке, так и на других языках Западной Европы. Редко доводится видеть, чтобы толковый словарь успешно справился с задачей, решения которой мы вправе от него ожидать.

Если трудно определить, что такое цвет вообще, то определить, что такое белый цвет, еще труднее. Если сказать, что это цвет молока, цвет лилии и снега, как написано в большинстве толковых словарей², это не будет неправдой. Но если вы станете утверждать, что белый – цвет солнечного света, который в результате дисперсии разлагается на спектр, то есть пучок разноцветных лучей, такое объяснение сможет удовлетворить только физика. А что оно дает гуманитарным наукам? Ничего, абсолютно ничего. Цвет физика, химика или невролога – это не цвет историка, социолога или антрополога. Для этих троих – как и для специалистов по всем вообще гуманитарным наукам – цвет определяется и изучается прежде всего как факт общественной жизни. Именно общество, в большей степени, чем созерцаемая нами картина природы, наши глаз и мозг, производит цвет, дает ему определение и наделяет смыслом, вырабатывает для него коды и ценности, регламентирует его применение и его задачи. Проблемы, которые ставит перед нами цвет, – это всегда проблемы культуры.

Поэтому говорить о цвете значит прежде всего говорить об истории лексики и тенденций в языке, истории пигментов и красок, техники красильного дела и живописи. А также говорить о месте цвета в повседневной жизни, о ценностях и системах, которые его сопровождают. О законах и гражданских установлениях, которыми он регулируется. Наконец, это значит говорить о моральных принципах и символах людей Церкви, о теориях ученых, о творениях и о

² Вот определение, которое предлагает «Trésor de la langue française des XIXe et XXe siècles» (официальное издание Национального института французского языка) в длинной статье «Белый»: «Цвет, который сочетает в себе все цвета солнечного спектра; цвет снега, молока и так далее». Вряд ли такое определение можно считать удовлетворительным, но кто смог бы дать лучшее? О хроматической лексике XIX–XX веков см.: Mollard-Desfour A. Le Blanc. Dictionnaire des couleurs. Paris, 2008.

восприятию художников. Поводов для исследования и для размышления более чем достаточно, а вопросы, возникающие при этом перед историком, весьма многообразны. Цвет по существу своему – сфера, изучение которой должно происходить на стыке разных научных дисциплин, с привлечением документов разного типа.

Однако есть области, где исследования оказываются более результативными, чем в других. Это области, в которых цвет служит средством классификации: лексика, мода, мир знаков, кодов и эмблем. Ассоциировать, противопоставлять, различать, устанавливать иерархию: важнейшая из функций цвета – классифицировать. Классифицировать людей и предметы, животных и растения, индивидов и группы, точки пространства и моменты времени. В противоположность тому, что обычно сразу приходит в голову, большинство социумов использовали для этих целей весьма ограниченную палитру. Судя по всему, долгое время в Европе, по крайней мере в социальном плане и плане символики, доминировали три цвета: белый, черный и красный, то есть, если взглянуть с исторической точки зрения, – белый и два его антагониста.

От природы к культуре

Пытаться выяснить, какую роль в жизни доисторических людей играл белый цвет, – задача невыполнимая. Самое большее, что мы можем сделать, – это вообразить, что в окружающей их природной среде белые тона присутствовали в значительном количестве, более значительном, чем, например, красные или синие: это, разумеется, всевозможные растения и минералы, но также шерсть и оперение животных и птиц; это зубы, кости и рога, которые использовались для изготовления оружия, орудий труда, а позднее – предметов обихода; раковины, собранные на морском побережье или на речном берегу; белая глина, меловые скалы и утесы; луна, звезды и другие светила; облака, молния и другие метеорологические явления, снег и лед в тех регионах, где это было обусловлено климатом и географическим положением, и так далее. Однако следует учесть, что именно мы относим все эти белые и беловатые тона к одной хроматической категории. Но так ли обстояло дело у людей эпохи палеолита? Был ли у них такой объединяющий принцип, как цвет, – и только цвет, – который позволял бы связать друг с другом явления природы, в остальном не имеющие между собой ничего общего? Это далеко не очевидно. Вдобавок, если представляется вероятным, что люди достаточно рано начали ассоциировать белый день с понятиями света и сияния, вовсе не факт, что они распространили эти понятия на животных, растения либо минералы белого или близкого к белому оттенков цвета. В самом деле, какая может быть связь между солнечным светом, меловыми скалами, лепестками лилии и шерстью ягненка? На первый взгляд, никакой, во всяком случае, до тех пор, пока не появилось и не вошло в обиход понятие «белый цвет».

Определить эпоху, когда это произошло, весьма затруднительно. При виде предметов погребального инвентаря, а также самых ранних следов, оставленных красящими веществами на валунах, на стенах пещер и на скалах, возникает предположение, что это был верхний палеолит. Доминирующую роль здесь играет красный, но попадаетеся и белый. Или же следует ждать неолита, перехода к оседлому образу жизни, зарождения ткачества и красильного дела, чтобы увидеть настоящую стратегию использования цвета и связанную с ней систему классификаций? И с чего начинать: с живописи или с красильного дела? Ведь от возникновения первой до появления второго прошло несколько десятков тысяч лет. Человек стал заниматься живописью задолго до того, как изобрел красильное дело. Но разве заниматься живописью непременно значит осмыслять и различать цвета, понимать, что такое красное, белое, черное, желтое? Возможно, да, но доказать это сложно.

Тем не менее очевидно, что белая краска входит в число первых красок, которые научился изготавливать человек. Сначала для того, чтобы покрывать росписями собственное тело, затем – валуны и скалы и, наконец, стены пещер. О первых нательных росписях белого цвета мы не знаем ничего. Самое большее, что мы можем, – выдвинуть гипотезу, что краски для них делались на базе мела или белой глины каолин, а сами росписи наносились с целью предохранить своего обладателя от солнца, от болезней, от насекомых и даже от сил зла. Однако белый цвет, в ассоциации или в противопоставлении с другими цветами, выполнял, вероятно, и таксономическую функцию: выявлять различие между фратриями или кланами, устанавливать иерархии, оповещать об особых периодах времени или ритуалах, а еще, быть может, указывать на принадлежность к тому или иному полу либо к той или иной возрастной группе³. Но, так или иначе, это всего лишь догадки.

Есть более реалистичный путь к истине: изучать малочисленные отметины белого цвета на предметах обихода, некогда служивших орудиями труда или сосудами. Некоторые матери-

³ Пастуро 2019.

альные свидетельства, созданные на базе мела, кальцита⁴ или каолина⁵, сохранились до наших дней, но их гораздо меньше, чем красок на основе охры (желтые, красные, коричневые тона). То же самое можно сказать и о росписях на стенах пещер. Именно там палитра живописцев палеолита представлена наиболее широко и лучше всего поддается изучению. По правде говоря, палитра эта весьма ограничена, даже в таких грандиозных композициях, как в самых знаменитых пещерах: Шове, Коске, Ласко, Альтамира и некоторых других, созданных в период от 33 000 до 13 000 лет до нашей эры. Количество тонов там невелико, особенно в сравнении с более поздними практиками. Больше всего здесь красных и черных тонов, встречаются желтые, оранжевые и коричневые. Белые попадают реже и, возможно, представляют собой более поздние добавления. Здесь они также изготовлены из меловой массы или из обожженной глины каолин, реже из гипса или кальцита. Что же до зеленых и синих тонов, то они на палитре палеолита полностью отсутствуют.

Мы знаем также, благодаря лабораторным исследованиям, что некоторые белые пигменты, наряду, впрочем, с красными и желтыми, обогащались добавками, которые сегодня мы бы рассматривали как утяжелители, предназначенные для того, чтобы изменить их окрашивающую способность и их реакцию на свет, либо чтобы они ровнее ложились на поверхность стены: это тальк, полевой шпат, слюда, кварц, различные жиры. Бесспорно, речь идет о самой настоящей химии. Сжигать дерево, чтобы добыть уголь для рисования или настенной росписи черным, с технической точки зрения сравнительно несложно. Но извлечь из земли блоки каолина, отмыть их, растворить, отфильтровать, обжечь, истолочь в ступе, чтобы получить мелкий белый порошок, смешать его с мелом, развести растительным маслом или животным жиром, чтобы пигмент принял нужный оттенок или чтобы он лучше закрепился на поверхности скалы, – другая, гораздо более трудная задача. Однако эту технику уже знали и применяли авторы росписей в пещерах, созданных ни много ни мало за пятнадцать, двадцать, тридцать лет до нашей эры⁶. Здесь мы имеем дело уже не с природой, а с культурой.

В самом деле, ведь природа предоставляет нам не краски, а лишь оттенки цвета, сотни, тысячи оттенков, которые люди, как и животные (только, вероятно, много позже), постепенно научились наблюдать, узнавать и различать. Это было необходимо, чтобы решать практические задачи: собирать съедобные плоды, спасаться от опасных животных, находить плодородные почвы, родники с кристально чистой водой и так далее. Эти оттенки еще нельзя назвать цветами, во всяком случае, с точки зрения историка. Ибо для историка, так же как и для антрополога, этнолога и лингвиста, цвета по-настоящему рождаются только тогда, когда социумы начинают объединять эти наблюдаемые в природе оттенки в несколько обширных групп, немногочисленных, но устойчивых, мало-помалу обособлять их и, наконец, давать им названия. Согласно этой логике, рождение цветов представляется культурной конструкцией, а не природным явлением, обусловленным физикой либо физиологией. Эта конструкция была создана в разные периоды времени и разными темпами, в зависимости от социума, климата, географического положения, насущных потребностей, эстетических предпочтений или выбора символики⁷.

А еще в зависимости от цвета: не все они родились одновременно. На территории Западной Европы в ходе этого долгого и сложного процесса три крупных комплекса сформирова-

⁴ Минерал кальцит, основной компонент естественного карбоната кальция, входит в состав многих известняковых пород. Кальцит был описан и исследован в XVII веке; известен также под названием известковый шпат.

⁵ Белая глина, хрупкая и жаропрочная, менее пластичная, чем остальные разновидности глины, в частности охра.

⁶ Couraud C. Pigments utilisés en préhistoire. Provenance, préparation, modes d'utilisation // *L'Anthropologie*. 1988. Т. 92/1. P. 17–28; Idem. Les pigments des grottes d'Arcy-sur-Cure (Yonne) // *Gallia Préhistoire*. 1991. Vol. 33. P. 17–52; Pomiès F. et al. Préparation des pigments rouges préhistoriques par chauffage // *L'Anthropologie*. 1998. Т. 103/4. P. 503–518; Salomon H. Les Matières colorantes au début du Paléolithique supérieur: sources, transformations et fonctions. Thèse. Bordeaux, 2009. En ligne: HAL Archives ouvertes, 7 janvier 2020.

⁷ Позволю себе сослаться на мои заметки о возникновении цветов как отвлеченных понятий: Pastoureau 2016.

лись, по-видимому, раньше остальных: красное, белое и черное. Разумеется, это не значит, что желтых, зеленых, синих, коричневых, серых, фиолетовых и других тонов тогда не существовало: в природе они встречались в изобилии. Но эти тона стали цветами, то есть категориями, принятыми социумом и мыслившимися уже почти как абстрактные, только позже, а иногда и значительно позже (как, например, синий). Это еще и объясняет, почему, вплоть до недавнего времени, триада «красное – белое – черное» во многих областях жизни сохраняла в лексике и символике более важные позиции, чем остальные цвета⁸. И красный в этом смысле даже превосходил белый и черный. В самом деле, красный стал первым цветом, который житель Западной Европы сумел изготовить, потом подчинить себе, сначала, в эпоху палеолита, в живописи, позже, во времена неолита, в красильном деле. Красный также был первым цветом, который европеец связал с устойчивыми и постоянно повторяющимися понятиями, играющими первостепенные роли в жизни в социуме: сила, власть, насилие, любовь, красота. Этим доминированием красного можно объяснить тот факт, что в некоторых языках одно и то же слово обозначает «красный» и «цветной», а в других «красный» означает «красивый»⁹. С течением времени к красному присоединились белый и черный: так появилась базовая цветовая триада, вокруг которой были выстроены самые древние хроматические системы. Многочисленные подтверждения этого мы находим в мифологии разных народов, в Библии, в легендах и сказках, в топонимике и антропонимике, и в особенности в обиходной лексике¹⁰. Зеленый и желтый присоединились к первоначальной триаде лишь на втором этапе; в разных культурах это произошло в разные эпохи, но, по-видимому, до становления древнеримской цивилизации. Что же касается синего, то он, скорее всего, получил полноценный хроматический статус и был уравнен в правах с остальными пятью цветами лишь в эпоху наивысшего развития средневековой христианской культуры¹¹. Это, разумеется, не значит, что раньше синего цвета не существовало, но его основные тона еще не были сгруппированы в единый целостный комплекс, существующий сам по себе, как абстракция, в отрыве от своих материальных функций.

Что касается белого, то он, по всей вероятности, начал осмысляться и выстраиваться как категория уже очень рано, до появления письменности, или, возможно, еще раньше, в одно время с глубокими переменами в жизни людей в эпоху неолита. Гамма изготавливаемых красок и их распределение на стенах некоторых пещер позволяют предположить, что на исходе палеолита белый цвет, наряду с красным и черным, уже представляет собой некий концепт, а не просто совокупность белых тонов и оттенков, встречающихся в природе. Тот объем информации, которым мы располагаем на сегодняшний день, не позволяет нам сказать больше, но и это уже немало.

⁸ Berlin & Kay 1969: 14–44.

⁹ Пастуро 2019.

¹⁰ Gerschel 1966: 608–631.

¹¹ Пастуро 2015.

Луна и религиозные культы

Луна, вероятно, – самое древнее божество, которому люди посвятили религиозный культ. Это произошло даже раньше, чем возникли культы солнца, ветра, грома, океана и других сил природы. Люди созерцали ее различные фазы, изменения ее формы, белоснежный свет, разгоняющий тьму, рост луны и убыль, исчезновение, а затем возвращение. Они уверовали, что это некое высшее существо, живущее на небе и наделенное таинственной властью над всем живым на земле. Люди стали поклоняться луне, чтобы заручиться ее благоволением и уберечься от вреда, который она могла бы им причинить¹². Лишь много позже в их представлениях луна составила пару с солнцем, и еще позже они поняли, что она не светится сама, а только отражает свет солнца. И с тех пор луна была более или менее укрощена: она превратилась в супругу солнца, его сестру или дочь, но не утратила присущие ей особенности. И если в одних социумах луна стала олицетворением женского начала, то в других она, напротив, сохранила свою маскулинную сущность. Так лексика донесла свидетельства этих различий до наших дней. Так, по-немецки слово «луна» – мужского рода (*der Mond*), а солнце – женского (*die Sonne*). Заметим, что у древних народов Северной Европы, в Германии и Скандинавии, луну часто изображали как мужское божество (*Mani*): его белое сияние ведет сквозь тьму моряков и путешественников. Когда настанут Сумерки богов (*Ragnarök*), его поглотит волк Хати, грозное чудовище с черной шерстью, которое уничтожает всех белых существ¹³.

О древнейших культах луны мы не знаем ничего. Самые ранние свидетельства ритуалов и вычислений, которые дошли до нас, относятся к эпохе неолита и перехода наших предков к оседлому образу жизни. Они помогают понять, почему первые календари были не солнечными, а лунными. В самом деле, лунные циклы наблюдать легче, чем солнечные. Возникшая в более позднюю эпоху письменность открыла нам доступ ко множеству мифов и легенд, посвященных луне: это позволяет представить себе неизмеримое богатство лунной символики, а также отследить ее многообразные связи с ритмами времени, ночным миром, первозданными водами, плодородием и урожайностью, и в особенности – с белым цветом¹⁴. Луна – это прежде всего белое светило, которое позволяет видеть в ночи и, как и его цвет, является источником жизни, знания, здоровья и покоя. Наоборот, черный, как и ночь, является источником страха, невежества, несчастья и смерти¹⁵.

Древние внимательно наблюдают за лунной: они не только измеряют ее циклы и фазы, но еще и вычисляют интенсивность ее света, насыщенность цвета, периодичность ее затмений¹⁶. Некоторые думают, что луна обитаема, и рассматривают темные пятна на ее поверхности как некий бестиарий¹⁷. О многих диких животных, которые водятся на земле, даже говорят, будто они упали с луны. Так объясняли, например, происхождение ужасного Немейского

¹² Eliade M. *Traité d'histoire des religions*. Paris, 1964. P. 139–164; Bram J. R. Moon // *The Encyclopedia of Religion*. London, 1987. Vol. 10. P. 83–91; Colon D. The Near Eastern Moon God // D. J. W. Meijer, dir. *Natural Phenomena: Their Meaning, Depiction and Description in the Ancient Near East*. Amsterdam, 1992. P. 19–38.

¹³ Nekele G., éd. *Edda. Die Lieder des Codex Regius*. Heidelberg, 1962; Boyer R., éd. *L'Edda poétique*. Paris, 1992; Dronke U. *The Poetic Edda: Mythological Poems*. 2-e éd. Oxford, 1997. T. II. P. 349–362.

¹⁴ Sjöberg A. W. *Der Mondgott Nanna-Suen in der sumerischen Überlieferung*. Uppsala, 1960.

¹⁵ О луне в древних мифах и верованиях существует множество работ справочного характера, но они редко представляют интерес. См. все же: Harley T. *Moon Lore*. London, 1885; Heudier J.-L. *Le Livre de la lune*. Paris, 1996; Heiken G. et al. *Lunar Source Book: A User's Guide to the Moon*. Cambridge, 1998; Cashford 2003; Brunner 2010; Alexander R. *Myths, Symbols and Legends of Solar System Bodies*. Berlin, 2015; Kébé F. *La lune est un roman. Histoire, mythes, légendes*. Genève, 2019.

¹⁶ Duhem P. *Le Système du monde. Histoire des doctrines cosmologiques de Platon à Copernic*. T. I: *La Cosmologie hellénique*. Paris, 1913; Aujac G. *Le ciel des fixes et ses représentations en Grèce ancienne* // *Revue d'histoire des sciences*. 1976. Vol. 29/4. P. 289–307; Evans J. *The History and Practice of Ancient Astronomy*. Oxford, 1998.

¹⁷ Cumont F. *Le nom des planètes et l'astrolâtrie chez les Grecs* // *L'Antiquité classique*. 1935. Vol. 4/1. P. 5–43.

льва, убитого Гераклом (это был первый из его двенадцати подвигов). Немейский лев считался порождением самой луны, а его непробиваемая шкура, соответственно, якобы была лунного, то есть белого, цвета. Ни стрелы, ни палица не помогли Гераклу справиться с чудовищем, и герою пришлось задушить его голыми руками.

У древних греков было две богини луны: с одной стороны, Селена, олицетворение ночного светила, чей культ уходит корнями в глубокую древность¹⁸; с другой стороны – Артемида, которая, как и ее брат Аполлон, обладает многообразными функциями и атрибутами и которая в этой своей ипостаси олицетворяет скорее лунный свет, чем само светило. Однако проходят века и десятилетия, а поклонение Артемиде охватывает все более обширные регионы, и в начале эпохи эллинизма обе богини сближаются настолько, что почти сливаются воедино¹⁹. Позднее собственно лунные культы постепенно теряют свое значение: их вытесняют культы солнечные. В Риме местные богини Диана и Луна, отождествляемые с Артемидой и Селеной, почитаются далеко не так ревностно, как эти последние. А вот Солнце (Соль) занимает в римском пантеоне гораздо более важное место, чем занимало в греческом; особенно его позиции укрепляются при Империи, когда старые римские культы испытывают сильнейшее влияние восточных религий, в частности митраизма, который, вопреки распространенному мнению, имел в своей основе культ солнца, а не культ быка.

¹⁸ Siecke 1890.

¹⁹ Литература, посвященная Артемиде, необъятна, как океан. Новейшие исследования подтверждают то, о чем уже писали древние авторы: Артемида – богиня непредсказуемая, своенравная, опасная, неуловимая, многогранная, возможно, самое значительное божество греческого пантеона, наряду с ее братом Аполлоном, даже могущественнее Зевса и других богов Олимпа, почитаемое и изображаемое больше и чаще, чем остальные боги Античности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.